

16+

Евгения Черноусова
УТЯТИНСКИЙ ДЕМОН
Книга вторая. Маргарита

Евгения Черноусова

Утятинский демон. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Черноусова Е.

Утятинский демон. Книга вторая / Е. Черноусова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Вторая жизнь Татьяны Ивановны. Теперь её зовут Маргаритой. В Утятин она вынуждена вернуться, чтобы помочь разыскать пропавшую женщину

Содержание

Звонок из прошлого	5
Замужем за мафией	9
А на кладбище всё спокойненько...	13
Шемякин суд	17
Расследование	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Звонок из прошлого

В принтере кончилась бумага. Грета скользнула взглядом по столам, заглянула на всякий случай в тумбочку. Можно, конечно, попросить пачку займы в регистратуре, но отношения с регистраторшами не заладились с самого начала ее работы, еще до того, как в больнице начался ремонт. Теперь же, когда бухгалтерию временно переселили во вторую комнату регистратуры, которую они использовали не только как архив, но и как бытовку, между бухгалтерией и регистратурой просто искрило. А уж после того, как им не вручили эти несчастные конфетные коробки на День медицинского работника... Словом, придется идти в больницу, лазить под строительными лесами, пачкаться побелкой и выслушивать брань отделочниц.

– Екатерина Сергеевна, я за бумагой. Еще что-нибудь прихватить?

Екатерина Сергеевна оторвалась от компьютера, открыла рот и снова его захлопнула. Видимо, мысли ее прошли по тому же маршруту: бытовка – конфеты.

– Да нет, Ритуля, ничего не надо. Хотя... если можно, занеси документы на подпись главврачу. Вот папочка.

Сунув папку с документами в пакет, Грета вышла в регистратуру. Час был предобеденный, в регистратуре – ни души. Упорно звонил телефон. В бытность свою старшим регистратором Татьяной Ивановной она бы за такое взгрела всех. Да и сейчас с трудом сдержалась. Но трубку все-таки схватила.

– Поликлиника.

– Девушка, нельзя ли пригласить Кожевникову Татьяну... не знаю, как ее по отчеству, – голос мужской, явно человека немолодого.

– А кто ее спрашивает? – вырвалось у Греты невольно.

– Я ее земляк. Она мне нужна по личному вопросу.

Земляк... Кто-то приехал из Уятина? Зачем? И почему звонит в поликлинику, а не домой? Нет, тут что-то не то.

– Вы откуда звоните? Из Уятина?

– Таня?

– Нет, я ее племянница.

– А где Таня?

– Может быть, вы все-таки представитесь?

– Я Напельбаум Борис Аркадьевич.

– Напельбаум?

А, вот оно что. Это двоюродный брат Руины, какая-то родня Ирки Напельбаум. Ему, наверное, лет сто. И вовсе он не из Уятина, а из Уремовска. Переехал в Успенск еще раньше Татьяны Ивановны. Что ему понадобилось? Не к врачу же записаться, он какой-то крутой ювелир с большим авторитетом в криминальных кругах.

– Борис Аркадьевич, Татьяна Ивановна умерла в прошлом году. Если я могу быть вам чем-нибудь полезной...

Молчание. Да не должен старик расстроиться, мы едва ли были знакомы!

– Борис Аркадьевич, я здесь оказалась случайно. Если у вас появятся какие-нибудь вопросы, запишите мои телефоны. Зовут меня Маргарита Густовна Пурит. Можно без отчества.

– Спасибо, милая Маргарита. Я несколько ошарашен этой прискорбной вестью. Если позволите, я перезвоню через два-три часа. По какому из телефонов вас удобнее спросить в это время?

– Лучше по сотовому.

Грета положила трубку и пошла к выходу, который загораживала грузная фигура Анны Ивановны, нынешней старшей регистраторши.

– Рита, что за дела у тебя с мафией?

– Да будет вам, Анна Ивановна! Дедушке лет сто. Какая мафия?

– А то ты не знаешь, что он смотрящий по нашему району. Ну-ка, признавайся, шашни завела с бандюганом?

– Не выдумывайте. Я этого дедушку в глаза не видела. Знаю, что еще при Хрущеве сидел он по экономическому преступлению. Теперь это бизнес.

– А зачем ему звонишь?

– Это не я ему, это он в регистратуру звонил, где ему ответить было некому.

– Еще критиковать будешь, соплячка! – Анна Ивановна покраснела от негодования. – Работаете тут без году неделя, а туда же, командовать.

Она еще что-то бубнила вслед, но Грета уже шла к выходу. «Ну вот, еще один конфликт». Не ладилась у нее отношения в коллективе. Грета их всех знала как облупленных, а они пытались что-то из себя изображать. И обижались каждый раз, когда новый бухгалтер не велась на их уловки. Эта Анна Ивановна тоже прикидывалась лучшей подругой Татьяны Ивановны и пыталась втереться к Грете в дом. Что она пыталась выяснить о сопернице после ее смерти, непонятно, да и не очень хотелось знать. Поэтому на ее намеки на то, что не мешало бы пригласить старых друзей покойной тетки домой на чай и воспоминания о былом, сделала очень наивную мину и ответила: «Да, тетя Таня говорила, что вы давно мечтали занять ее должность». Можно было бы, конечно, стерпеть. Но сплетничать Анна Ивановна не перестанет в любом случае. Так что не стоит себя ломать.

Назад она возвращалась не скоро. Долго пришлось ждать в приемной, даже позвонила Екатерине Сергеевне, не оставить ли бумаги у секретарши. Но главбух велела дожидаться начальства непременно, а на обед пойти, когда освободится.

– Рита, ты, говорят, любовница дона Карлеоне? – встретила ее с порога вопросом кассир Наташа.

– Да, – неостроумно ответила Грета. – У нас в Сицилии все такие.

– Маргарита, что за дела? – вступила Екатерина Сергеевна. – Анна Ивановна на хвосте принесла, что ты Наппельбауму звонила.

– Не я звонила, а он. И не мне, а Татьяне Ивановне.

– Покойнице?

– Так он не знал, что она умерла.

– Они что, знакомы были?

– Шапочно. У него родня в Утятине. Наверное, что-то хотел передать.

– А что передать?

– Так мне-то он ничего не поведал.

– Анна Ивановна сказала, что ты ему свои телефоны дала.

– Ну, дала. Я ведь на днях в Утятин памятник повезу. Вот и прихвачу посылочку для Ираиды Семеновны. Все, пошла я обедать.

Ох, бабье царство, до чего же любопытные. И этих не пошлешь, как Анну Ивановну.

Часа в три раздался звонок. Номер не определился.

– Маргарита, это Наппельбаум.

– Да, Борис Аркадьевич, – ответила Грета и тут же пожалела: все дамы бухгалтерии сделали стойку.

– Мне надо встретиться с вами. Я в последнее время прибаливаю. Не будет ли нескромностью с моей стороны, если я попрошу вас зайти ко мне? Я пришлю за вами машину.

Если не любопытство коллег, она бы от этой встречи вежливо отказалась. Но, когда что-то осуждают, хочется сделать назло.

– Я заканчиваю работу в пять. Машину присылать не надо, с удовольствием пройду пешком. Говорите адрес.

Назавтра коллеги даже не пытались делать вид, что работают.

– Я что, опоздала? – демонстративно взглянув на часы, спросила она. И сама же ответила. – Нет, еще без пяти.

Ни о чем спросить они не успели. Вошли две врачихи, недовольные начисленной зарплатой, и Грета усадила их к столу. Разбирались долго и нудно.

Освободившись минут через пятнадцать, она поглядела на изнывающих от любопытства женщин и сказала:

– Да ладно вам. Скажу сразу: если Наппельбаум – крестный отец мафии, то я – владелец заводов, газет, пароходов. Квартира на первом этаже пятиэтажки. Окна пластиковые, кондиционер. Мебель старая. Самому лет под 90. Всё.

– А что хотел?

– Да что я и думала. У Ираиды Семеновны юбилей, хочет передать ей презент.

– Какой?

– А я знаю? Просил позвонить, как соберусь.

– Он один живет?

– Ей-богу, не знаю. Я никого не видела. Что, надо было поинтересоваться?

Женщины еще что-то спрашивали, получая в ответ «не видела, не знаю». Грета подвела итог:

– Или есть еще один Наппельбаум, сын, например, или старичка оболгали. Или он зиц-председатель мафии...

Назавтра позвонили из мастерской. Памятник был готов. Грета начала операцию по выбиванию отпуска.

В столовой она подсела к кассиру Наташе.

– Как ты думаешь, отпустят меня в отпуск по графику?

– А когда у тебя по графику?

– В декабре.

– Не, не получится. Ревизия КРУ, годовой отчет. Никого не отпустят.

– Так. В январе, значит, тоже...

– Само собой.

– А в феврале у меня сессия.

– Ты что, учиться поступаешь?

– Понимаешь, какое дело. Мне тетки, которые в Латвии живут, на учебу в институте денег обещают. Заплатить надо не позже декабря. Загранпаспорт будет готов не раньше конца августа–начала сентября. Ну, ладно, перехвачу у знакомых, а потом съезжу в Даугавпилс и верну. Главное, отпуск в запасе. Пойти раньше меня никто не заставит.

Всё. Теперь пойдут интриги.

В результате Екатерине Сергеевне потребовалось отдохнуть в августе; Наташе – в сентябре, сына в первый класс водить; Любовь Самойловна собралась идти в октябре; в ноябре и декабре вообще никому нельзя уходить. Короче, иди, Маргарита в отпуск со следующей недели.

– Хоть бы предупредили! И почему прямо не завтра?

– Именно завтра. Чтобы к начислению августовских зарплат успеть.

Надув губы и хихикая в душе, Грета села начислять себе отпускные.

Вечером, когда все уже начинали складывать дела, в бухгалтерию заглянул водитель Витя, с которым Грета собиралась ехать в Утятин устанавливать памятник.

– Маргарита, когда едем?

– Ой, Витя, извини, замоталась, не предупредила. Меня в отпуск отправляют. Так что поездка отменяется.

– Чем тебе отпуск помешал, чтобы родным памятник поставить? – вмешалась в разговор Екатерина Сергеевна. – Поезжайте да устанавливайте.

Главбух, как всякая стареющая женщина, любила сватать. К Вите она благоволила, и очень хотела свести его с Гретой.

– У меня попутка нашлась. Утятинские предприниматели товар в Москву привезли, назад почти порожняком возвращаются. Они и памятник, и меня заодно прихватят.

– Так мужская помощь все равно нужна.

– Они и установят. А потом я к знакомым поеду, у них погощу, раз уж отпуск.

Звякнула эсэмэска. Грета взглянула на телефон и стала собираться. Витя сказал:

– Я провожу?

Грета замотала отрицающее головой:

– За мной заедут!

Тут телефон зазвонил. Сима:

– Грета, какие у тебя планы на выходные?

Удивительно, но с медсестрой Грета сдружилась. Они перезванивались, иногда встречались, один раз даже посетили ночной клуб.

– Ты что, с мужем полаялась или с бабкой?

– С обоими, – вздохнула Сима. – Как всё обрыдло!

– Слушай, я сегодня уезжаю. Попутка подвернулась, памятник отвезти. Если тебе невмоготу, я Ирине Михайловне ключ оставлю. Приезжай завтра с Сашенькой, отдохни от своих, да и они заодно от тебя отдохнут. В холодильнике полный обед, вам двоим на выходные хватит. А? Нет, вернусь я не скоро. Остановлюсь у знакомых, буду на озеро ходить, загорать, купаться. Да, в отпуске. Так получилось. Ну? Отлично!

Грета кинула трубу в сумку, сказала всем «до свидания» и скользнула в дверь. Услышала шипенье Екатерины Сергеевны «Иди за ней» и шаги Вити, но не притормозила, а выскочив на крыльцо, завертела головой. На углу стоял джип с тонированными стеклами. «Вот идиоты», – подумала она и повернула к машине. Из-за руля выбрался Руслан и открыл для нее заднюю дверь. Последнее, что она видела – это Витя, притормозивший на полпути, и вся ее бухгалтерия, кучкой стоящая на крыльце поликлиники.

Замужем за мафией

Когда Грета отправилась в гости к Наппельбауму, она не ожидала, что все так обернется. На будущее она решила больше не взбрыкивать в случае, если ей навязывают чье-то мнение. Чье-то – не значит неправильное.

Квартира и правда оказалась на первом этаже старой пятиэтажки, и это внушало оптимизм. Из фильма «Next», а другого источника о быте мафии у нее было, Грета знала, что воры в законе живут в особняках, а не в хрущобах. Открыл ей какой-то неопределенного возраста мужик, похожий на отставного военного. Коротко поздоровавшись, проводил в комнату. Бориса Аркадьевича она узнала. Теперь она точно могла сказать, что видела его один раз в жизни. Было это году в 68-м, когда они менялись квартирами с Наппельбаумами. Он уже и тогда был немолод, а ей, шестнадцатилетней, казался и вовсе стариком. Да, ему уже много за восемьдесят.

Одет по-домашнему, но щегольски: какая-то бархатная куртка, шейный платок. Чисто выбрит. Ухоженные руки. Грета непроизвольно сжала кулаки: ее-то пальцев не касались инструменты маникюра.

Еще раз извинившись, старик пригласил ее поужинать. Грета смущенно отказалась, но при повторном приглашении придвинулась к столу: во-первых, не любила ломаться, во-вторых, есть ей хотелось, в-третьих, Наппельбаум был явно не из тех, кто привык к отказам. Она лишь спросила:

– Вы о чем-то хотели со мной поговорить?

– Да, – ответил ей старик. – Но не за едой же. У меня будет просьба, которую я вам изложу позднее. Надеюсь, вам понравится мое угощение, и вы будете ко мне снисходительны.

Грета только хмыкнула, но мысль о том, что ее, пожалуй, слишком дешево покупают, благоразумно оставила при себе. Наппельбаум коротко взглянул на нее, и она решила, что здесь и мысли стоит попридержать, старичок все просекает.

– Мне нравится, как вы едите, – сказал после ужина старик. – Современные молодые люди за едой мысленно считают калории. Из-за этого у них портится пищеварение. Вы знаете, как раньше выбирали работников?

– Знаю. Сажали за стол.

– Да. И я еще раз убедился, что вы – именно та, кто может мне помочь.

– Еще раз? То есть вас еще кто-то убеждал?

– Не скрою, прежде чем обратиться к вам, я навел кое-какие справки, – старик сделал паузу, ожидая реакции собеседницы, но не дождался и продолжил. – Я выяснил, что вы жили у вашей тетки с пятнадцати лет, не отличались примерным поведением, но школу все-таки закончили. Вскоре после школы исчезли, и появились только перед ее смертью. Вступили в наследство, даже работать пошли туда же, где работала Татьяна. И по работе характеризуетесь в превосходной степени. Даже подрабатываете, в частности, у Налбандяна. Редкий жлоб, между прочим. И платит вам сущие копейки за финансовые отчеты по его мутным делам. Планируете поступить в институт на заочное, собираете деньги, но пока собрали не очень много.

Однако. Раскопать все это за три часа! У Налбандяна она работала тайком. Екатерина Сергеевна такое не потерпит. Да и про институт она никому не говорила. Да, старик опасный. Дай ему время, он все ее прошлое раскопает, не только то, что она не Маргарита, но и то, что она Татьяна.

– Так чем могу служить, Борис Аркадьевич?

– Видите ли, Маргарита... Ко мне обратилась моя родственница с просьбой помочь разыскать свою сотрудницу. Пропала она в Утятине. А вы как раз туда собираетесь... – тут он выжидающе взглянул на нее.

– Вы ведь первоначально к Татьяне Ивановне собирались обратиться? А ей бы памятник устанавливать не потребовалось бы, если бы она была жива...

– Татьяна Ивановна в Утятин ездила регулярно и с удовольствием. С ней бы я договорился. А вы сами бывали в Утятине?

– Нет, не довелось. И не знаю, чем могу быть вам полезной там. И, извините, не верю, что вам туда послать некого, кроме меня.

– Конечно, есть кого. И эти люди уже посланы. Но... – Наппельбаум развел руками.

– А я-то чем лучше ваших профессионалов?

– От вас требуется нечто иное. Вы знаете, как относятся в провинции к приезжим. Врут, увивают от ответов, не договаривают. А вы, конечно, не своя, но и не чужая. Приехали с благой целью почтить память родных. С вами и при вас будут говорить откровенно. И ответят на вопросы, если в ходе беседы о них у вас возникнут. А вы поможете моему человечку, подскажите, в каком направлении искать.

– Неужели я узнаю больше, чем знает ваша родственница?

– Она может что-то скрывать...

«Вот мерзкий старикашка. Неужели он считает, что Ира способна на похищение человека? Дурак!» Ну, дурак не дурак, а эмоции на ее лице он просекал сходу.

– Не подумайте, что я могу представить себе мою родственницу замешанной во что-нибудь нехорошее. Человек она в высшей степени порядочный. Но знаете, у местного взгляд может быть замылен. И она может не видеть очевидных вещей.

Так. Что-то его мучает. Наппельбаум явно волнуется. Я знать его не знаю, но не должен он быть ранимым, если дожил до таких лет. Тут что-то личное. Сделать вид, что не заметила? А вот дудки!

– Борис Аркадьевич, давайте откровенно. Мне кажется, у вас с вашей родственницей интересы не совпадают. Нет, не так... Есть в этом деле у вас свой интерес, не связанный с вашей родственницей. И это вас беспокоит. Я спрашиваю: сделаем вид, что вам больше нечего мне сказать и разбежимся?

– Маргарита, зачем вы так! Я с вами предельно откровенен!

– Ясно. Ну ладно, как только памятник будет готов, я вам сообщу о времени выезда. Тогда сообщите мне явки и пароли.

– Вы меня не поняли. Мне нужно, чтобы вы выехали в Утятин сегодня, в крайнем случае, завтра.

– А ничего, что памятник не готов и что я работаю?

– Насчет памятника я попросил, обещали закончить в ближайшие часы. Насчет отпуска я тоже могу поспособствовать. Вам как удобнее: за свой счет или очередной? Компенсирую я любой.

– Вот это не надо. Я сама решу этот вопрос. Все, до свидания.

Грета встала. Вслед за ней поднялся и старик.

– Маргарита, мне не хотелось бы, чтобы вы считали, что я пытаюсь втянуть вас в неблагоприятные дела. Присядьте. Я скажу вам, в чем мой интерес. Надеюсь на вашу скромность... и благоразумие, – он ожег ее взглядом. – Дело в том, что пропавшая женщина – единственная моя кровная родственница. И я боюсь, что это стало причиной ее беды.

– Так кто пропал, родственница или ее сотрудница?

– У моего отца был родной брат, Рувим Борисович. У него была дочь Земфира, моя двоюродная сестра. Она уже двадцать лет как померла. Все прочие родственники сгинули в войну. Так что я единственный Наппельбаум.

– А...

– Та, что живет в Утятине – вдова моего отца. Не удивляйтесь, она была моложе его лет на пятьдесят. Это совсем другая история, ее мы касаться не будем. А та, о которой идет речь

– дочь внебрачного сына моего дяди. И об этом никто не знал до сегодняшнего дня. И Ида об этом не знает. То есть я так думал. А теперь сомневаюсь. Что вы так смотрите?

– Соображаю... Вашу исчезнувшую родственницу звали... зовут Катькой?

– Откуда вы знаете?

– В свой последний приезд тетя Таня много о ней слышала. И чем-то она ее зацепила.

– Чем?

– Кто-то назвал ее идеальной женой.

– Скажете тоже... Вечно дралась с мужем.

– Может, в этом и есть идеал. И еще она все время говорила, что ее мучает сходство Катьки с кем-то очень знакомым. На кого она похожа? Не на вашу ли двоюродную сестру?

– Да. Очень похожа.

– И насчет того, что никто не знает. Помнится, ей рассказывали анекдот, как Катька выкуривала родственников Ираиды Семеновны. Она к соседке Майе Станчиц настройщика привела, еврея, и пока он работал, сплела ему трогательную историю, что она тоже по крови еврейка, незаконнорожденная дочь Майиноного папы, и что они каждый месяц первого числа ездили с бедной мамой в Уремовск за пособием от блудного отца, и Майина мать дарила ей что-нибудь из старых вещей дочери. Вам это ничего не навевает?

– То есть сама Катя знала?

– Или знала, или догадывалась. Что-то с вымогательством от незаконной родни в ее жизни было.

– Дядя Рувим умер почти пятьдесят лет назад. Что-то, безусловно, он своей пассии давал. Потом им немножко помогал мой отец, но делал это тайком. Он в свой последний приезд... да ладно, в заключении он меня навещал! Он рассказал о Мише, о брате моем двоюродном, получается. Сказал: от вас с Фирой внуков не дождешься, так хоть от этого... Хотя малый вырос непутевым. Но папа на шантаж бы не повелся. Да и чем его было шантажировать? Адюльтером брата? Смешно!

– Думайте, думайте. Недаром же она говорила о поездках в Уремовск.

– Не отец, – Наппельбаум поглядел на Грету и поперхнулся. – Вы думаете, семью? Они ведь туда переехали. Мария Давидовна? Ну, нет, кто с ней бы связался, сам бы ей деньги отдал! Значит, Фира. Дурочка, что же она мне ничего не сказала? Она бедненько жила, от меня помощи почти не принимала. А бабка Катя Кузнецова таскала с собой внучку, чтобы тыкать Фире в нос сходством. Так Катя знала!

– А может, что-то помнила, но не понимала? Ей сколько было лет, когда Руина... когда Земфира Рувимовна умерла?

– Двадцать два года назад. Пять лет Кате было.

– Не могла бабка ей это рассказывать. Просто в памяти Кати что-то из детства осело, она и домыслила.

– Да, я в вас не ошибся. Вы в наших делах разобрались лучше любой уроженки Утятина.

– Вы не представляете, сколько моя тетя рассказывала об Утятине и его обитателях.

– Давайте обговорим детали. Я предлагаю так: вы едете в Утятин со своим женихом...

– ?!

– Я за ним послал. Сейчас появится. Итак, вы едете с женихом и его другом устанавливать памятник на могиле тети. Затем вы поселитесь у кого-то из тетиних знакомых...

– Интересно, кто из знакомых пригласит такую гвардию в гости? Ваша родственница?

– У нее двухкомнатная квартира. И в интересах следствия не стоит вам около нее светиться. Да, про это я не подумал. Значит, остановитесь в гостинице. Но знакомых тети навещайте всех.

– Борис Аркадьевич, не преувеличивайте мои возможности. Я не очень контактна.

– Полноте, Маргарита. Как вы меня-то раскрутили на информацию...

– Кстати, об информации. Вы мне все изложили? Может быть, есть еще какие-то родственники?

– Нет. Но должен вам сказать, что у Кати был младший брат. Мальчик погиб несколько лет назад при невыясненных обстоятельствах.

– Это существенно. Что это были за обстоятельства?

– Сначала он исчез. Через несколько недель какая-то старуха обнаружила его повешенным в посадках за городом. У нее тут же случился инфаркт. Предположили, что Миша покончил жизнь самоубийством. В это никто из знавших его не поверил. Но следствие остановилось на этой версии.

– Почему тогда вы не затеяли частное расследование?

– Я об этом узнал *post factum*. Уже после обнаружения трупа. Человека я послал. Он профессионал, из бывших следователей. Там та же картина: с чужаком ни слова. Одно предположение он все-таки высказал: в городе все знают, как произошло преступление, но покрывают кого-то своего.

– И вы на этом остановились?

– А что мне оставалось? Послать дюжину бандитов с утюгами и паяльными лампами? Я все-таки пенсионер, а не мафиози.

– Еще один вопрос: вы не связываете исчезновения ваших племянников?

– Это мне не пришло в голову. Исключать нельзя. Бедная Катя...

– Следствие ведется?

– Ведется, и довольно резво. Наверное, Ида подхлестывает. Но куда раскручивают только мужа. Их вечные разборки ни для кого не секрет.

– И как?

– Ида говорит, он искал Катю два дня, а потом упал духом. Потом его посадили. Ида в его вину не верит.

Хлопнула дверь. Пришли два молодых человека, почтительно поздоровались со стариком; один, Кирилл, Грете кивнул и сел, другой, Руслан, повел себя развязно, сел рядом с ней, пытался приобнять. Обсудили детали поездки. Старик молча слушал, точно так же отмалчивался Кирилл. Руслан говорил безапелляционно, от Гретиных вариантов отмахивался.

– Борис Аркадьевич, предлагаю легенду поменять, – потеряв терпение, сказала, наконец, она. – Вы видите, что мы с Русланом парой не смотримся. Нас ведь друг от друга искрит. Я не пытаюсь им командовать, а вот он, судя по всему, будет. Никто в Утятине не поверит, что мы жених и невеста. И мне нужна свобода маневра.

– Что вы предлагаете?

– Давайте женихом назначим Кирилла. А Руслан будет другом жениха.

– Вообще-то он вам по темпераменту более соответствует...

Руслан всерьез обиделся и пробурчал: «Еще захочет ли Кира с тобой ночевать?», на что Грета ответила «Ночевать все будут в одиночку». Кажется, Руслан всерьез считал, что получил девушку в качестве бонуса.

– Так, прекратили пикировку. Поправка принимается. Командовать никто никем не будет. Вы посланы установить памятник и обеспечить безопасность Маргариты. И осуществлять связь с сыщиками. Как только памятник будет готов, ребята его погрузят в машину, и в тот же вечер вы выезжаете. Памятник и машина – с меня, отпуск за вами, Маргарита.

А на кладбище всё спокойненько...

– Грета, мы приехали.

Грета открыла глаза. Над ней наклонился Кирилл. Она поглядела в окно и увидела кладбищенские ворота.

– О, господи! Мы же проехали!

– Как же проехали, – послышался снаружи голос Руслана. – Вот оно, кладбище.

– Машины ездят через новое кладбище. Ну ладно, раз приехали, давайте, открывайте ворота.

Парни раздвинули створки ворот, и Кирилл аккуратно провел машину между торговками с цветами. Тут же на них налетел какой-то мужичок, видно, из кладбищенской obsługi, и начал визгливо требовать, чтобы они вернулись и объехали через новое кладбище. Грета вопросительно взглянула на Кирилла. «Бензина мало» – сказал он. «Ладно», – кивнула она и крикнула в толпу только сошедших с Васильевского автобуса женщин:

– Кто на новое, садитесь, до развилки довезем!

Толпа смахнула мужичонку в сторону и моментально заполнила машину. Садись друг к другу на колени, на пол, кто-то из молодых сел даже на памятник, но ее сдержали соседи. Влезло человек пять. «Вверх по серпантину до развилки, там на левой дорожке остановишься», – это Кириллу.

– Ой, Таня померла! – вскрикнула одна из пассажирок, поглядев на памятник. Грета взглянула на нее. Лицо абсолютно незнакомое. – Какой портрет удачный! Именно такой я ее помню.

– Вы знали мою тетю?

– Ты ее племянница? Очень похожа! Не братца ее дочка?

– Да.

– Кто такие, не знаю, – сказала ее соседка.

– Как же, в нерусском доме жили. Тетя Милочка в Васильевке на почте работала, а потом на центральной.

– Тетя Милочка? Такая беленькая, ямочки на щеках? Ой, и правда, как я ее не узнала! А Таня кто такая?

– Дочка тети Милочки. У нас пионервожатой была. Как мы ее любили! Всё нам рассказывала, всё с нами возилась. А когда Валерка-лётчик ногу сломал, она его на закорках тащила до больницы. В Москве она потом жила.

Машина остановилась. Женщины высыпали на дорожку.

Грета немного пришла в себя. Вообще поначалу все складывалось неудачно. Этот джип, который поздно было менять на какой-нибудь неброский микроавтобус. «Уважать будет деревня», – заявил Руслан. «Нам не уважение нужно, а контакт. В провинции на джипах ездят бандюганы и нувориши. С такими никто разговаривать не будет». Потом спор, когда выезжать. Выехали все-таки на рассвете. Потом спорили, где позавтракать. Руслан рвался в кафе на заправке, а Грета брезговала и предлагала перекусить на природе. Тут ее сторону взял Кирилл. Поев, Руслан перестал дуться, и заявил, что все-таки женится на Грете, хозяйка она отменная. Грета предложила ему разбогатеть и нанять ее кухаркой. Он опять полез со своими двусмысленными шуточками. Тогда она сказала: «Мальчишки, вы не забыли, что я буду представлять Кирилла своим парнем? И тогда, глядя на твое, Руслан, поведение, он либо должен будет дать тебе по морде, либо люди подумают, что он слизняк». Руслан открыл рот. Кирилл сказал: «Девушка дело говорит, а ты не догоняешь». Грета собрала мусор в пакет и протянула его Руслану: «Выкинем в контейнер на ближайшей заправке». Он понес его в машину, а она сказала Кириллу: «Можешь звать меня Гретой. Так звали меня родные. Это будет знак интим-

ной близости для окружающих». Кирилл кивнул. В это время из машины вылез Руслан и заорал: «Кухарка, одно блюдо зажала! Мясо в горшочках!» В руках он держал урну. «Поставь, идиот!» – завопила Грета. Но он уже крутанул крышку. Из нее посыпался какие-то комочки. Грета выхватила у него из рук урну, присела на корточки и принялась руками собирать рассыпанный прах. Кирилл присел рядом и стал помогать. Потом принес воду в бутылке, и они стали мыть руки. Руслан стоял в недоумении. Выждав, когда сердце перестанет яростно колотиться, Грета сказала: «Как ты, надеюсь, понял, это был прах моей тети из крематория. Это настоящая урна и настоящий памятник. Я еду похоронить свою тетю и установить памятник. Попутно я выполняю просьбу Бориса Аркадьевича. Ты нанят им же для выполнения определенной работы. Если ты собираешься мне мешать, нам лучше расстаться сразу». После этого Руслан молчал полчаса, что для него было достижением. А когда снова начал трепаться, Грета закрыла глаза, чтобы не отвечать, и вот уснула. И они проехали сворот на новое кладбище.

На старый памятник была привинчена еще одна фотография – ее. Где только Таня такую нашла? Лет десять назад снята. Задумчиво улыбается на фоне листвы. Наверное, у Кожевниковых во дворе.

Работали парни на удивление ловко. Не трогая ограды, сняли старый памятник и потащили к контейнерной площадке. Она их вернула:

– Давайте вывезем за ограду, когда поедем через новое кладбище.

Пепел высыпала в приготовленную Кириллом лунку: «надеюсь, мама с бабушкой не обидятся, надо же и Тане где-то упокоиться»; урну сунула в машину: «там же оставим». Когда они стали устанавливать новый памятник, Грета, чтобы им не мешать, побрела к могиле Лиго. И остолбенела. Памятник был снят и аккуратно положен на траву. Прибежавший на ее вскрик Кирилл сказал:

– Гады, наверняка сняли, чтобы перевернуть, на обратной стороне надпись сделать, а старые надписи стесать.

Пришел на разговор Руслан и сказал:

– Да не парься ты, сейчас на место поставим.

– Не выход, все равно украдут.

– Так надо на обратной стороне надписи сделать. Тут, вроде, мастерская есть? И повод будет задержаться.

– Долго будут делать.

– Деньги в руки – будут звуки.

Парни взяли памятник и понесли к машине. Прямо на них вышел полицейский с какими-то бомжами:

– Это что такое?

Грета объяснила. Зло сопя, полицейский просмотрел паспорта:

– А зачем вывозите?

Руслан ответила за Грету:

– На обратной стороне надпись повторим, чтобы не украли.

Мент махнул бомжам, чтобы шли дальше, и пошел за ними следом. Руслан сплюнул и сказал:

– Это ведь он, сука, за памятником шел.

Грета поглядела им вслед и промолчала, но мысленно согласилась.

Парни поехали в мастерскую, а Грета стала скоблить землю совком вокруг памятника. Неожиданно зашелестела листва, и на нее вышли три мента: давешний злой и еще два молодых с «демократизаторами» у бедра.

– Гражданка, предъявите документы, – ухмыляясь, заявил злой.

– Какие документы на кладбище, – миролюбиво ответила Грета, понимая, что добром все это не кончится.

– Где твои подельники?

– Ты бомжей имеешь в виду, которых подрядил памятник моих родственников нести?

Так они твои подельники, не мои.

– Отвечай, сука!

– Какое у вас странное имя – старший лейтенант Сука, – молодые менты прыснули. – А меня зовут Маргарита, если забыли.

Достоинство ответить он не успел. Послышался писк автомобильной сигнализации, и подошли Кирилл с Русланом. Руслан, надо отдать ему должное, включился сразу.

– Ребята, что это вы с чужой девушкой заигрываете? Пользуетесь служебным положением?

– Вы задержаны!

– За что?

– За хищение и вандализм!

– А звонок адвокату?

– Да звони ты хоть Путину!

– Русик, ты дедушке будешь звонить? Не пугай старичка сильно-то. А я бабушке позвоню, чтобы пирожки не пекла. – И Грета быстро набрала номер. – Татьяна Ивановна, здравствуйте. Это Грета. Да... да... Я в Утятине. Мы памятник поставили, а сейчас нас полиция арестовывает. На кладбище. Да... да... Не знаю. Мы наверху. Да, пешком, поняла. У ворот, наверное. До встречи.

Когда нужно, Таня была собрана и немногословна. В такие минуты становилось понятно, как она пробилась в бизнесе. Валера был мастером, а она – организатором.

– Ну что, пошли?

– Давайте ключи от машины.

– Еще чего! Пешочком, служивые. Мне бабушка запретила по кладбищу на машине ездить.

Руслан подхватил:

– Бак пустой. После отсидки сходим на заправку.

Один из молодых заявил, что под горку бензин не требуется, но Руслан сказал, что никого возить не нанимался. На удивление быстро полицейские отступили и повели задержанных пешком. «Тут одно из двух, – прикинула Грета. – Либо из-за того, что на трое на трое, и наши ребята намного крупнее этих, либо... у этого поганца виды на машину. Эх, говорила я Руслану!»

Пошли напрямую, по тропинке. У ворот тот же мужичонка из кладбищенских злорадно выкрикнул: «Так их, бандитов!». Другой мужичок, пьяненький и почему-то с гармошкой, заулыбался беззубым ртом и растянул меха:

– А на кладбище всё спокойненько,

Ни врагов, ни друзей не видать.

Все культурненько, благородненько

Исключительная благодать.

Женщины, торгующие цветами, перешептывались, но вслух свое отношение к происходящему не высказывали, когда милиционеры вели мимо молодых людей. Только вышли за ворота – скрип тормозов. На пяточке лихо развернулась машина Кожевниковых. За рулем – Ромка. За ним Валера и еще кто-то. Представляться не надо: раз конвоируют, значит, они. Валера только взглянул на них и почему-то испугался. Таня вылетела из машины, держа у уха телефон, вопя своим тоненьким голоском:

– Серега, я за себя не отвечаю! Чтобы был в отделении! Я не командую! Я требую! Да, вижу теперь! Этот урод Беляков!

Судя по тому, как дернулся мент, его фамилия была Беляков.

– Грета, с нами поедешь, – скомандовала Таня, по-родственному обняв ее и расцеловав. – Эти ребята с тобой? За что их?

– Гражданка, отойдите от задержанной.

– Я тебе покажу гражданку! Я тебе покажу задержанную! Ребята, садитесь к нам в машину. Валера, за руль! Ромка, Женька, вылезайте! Отойди, Беляков! Едем в отделение, я там уже начальство озадачила! Будет тебе разбор полетов! Грета, машина ваша где?

– На развилке. Пусть ее мальчики отгонят. Руслан, отдай ключи.

Руслан неохотно протянул ключи, пробормотав «канистра в багажнике». Но с еще большим разочарованием проводил их глазами Беляков. Ромка с приятелем отправились на кладбище, а остальные, рассевшись по машинам, поехали в отделение.

Шемякин суд

Когда вся компания ввалилась в отделение, там стало тесно. Беляков еще пытался хорориться, но тут уже вес его был не тот. Тем не менее, он скомандовал: «В обезьянник!», и дежурный загремел ключами.

– Будет тебе обезьянник, вражина! – взвизгнула Таня и бросилась на дежурного. – Где начальник?

– Татьяна Ивановна, обязанности начальника на время отпуска исполняет заместитель по оперативной работе, Иван Иванович Шеметов, – можно сказать, отрапортовал дежурный. И с облегчением перевел дух, когда Таня понеслась по коридору, стуча каблуками и выкрикивая на ходу: «Будут вам и начальники, и заместители!». Где-то в конце коридора стукнула дверь и голос затих.

Дежурный не спеша ковырялся в замке, явно тянул время. Зазвонил телефон. Он метнулся к окошку, схватил трубку и по парадному отрапортовал: «Дежурный по Утятинскому отделению старший лейтенант Васильев!» Выслушал голос в трубке, так же бодро сказал «Есть!» и, повернувшись к задержанным и задержавшим, уже другим тоном, ленивым, произнес:

– Пройдите в кабинет к Шеметову.

В кабинете сидел какой-то неопределенного возраста мужик, над которым нависала с угрожающим видом Таня. Он отклонился, чтобы поглядеть на входящих и сказал:

– Тань, отстань, – и сам засмеялся своей внезапной рифме. Потом сделал серьезное лицо и официальным тоном сказал. – Гражданка Кожевникова, ваше заявление будет рассмотрено в кратчайшие сроки. Только не заслоняйте задержанных, и вообще, сядь ты, ради бога, и помолчи чуток. Так, служивые, вас на кладбище Беляков вызвал? Задержанные сопротивлялись? Нет? Тогда продолжайте несение службы. Теперь Беляков.

Надо отдать должное, Беляков изложил все четко, без вранья. Только выводы получились другие. Если бы Грета сама не была героиней его рассказа, она бы ему поверила.

– Теперь вы. Документы, – он раскрыл по очереди их паспорта, быстро пролистав, и разложил перед собой. – Пурит Маргарита Густавовна.

– Пурит, – поправила его она.

– Пурит, – повторил он. – Что-то знакомое.

– Да я же говорю тебе, – снова зазвенел Танин голосок, – ее родственницы...

– Татьяна Ивановна, замолчите, а то я за себя не отвечаю, – и потянулся к трубке. Сопя, набрал номер, – Мария Васильевна, здравствуйте. Как ваше драгоценное? А... Да... Хорошо... Ну, конечно... Да бросьте... Так. Я вот по какому вопросу. Вы ведь всех знаете... – длинная пауза и верещание по телефону. – Значит, поможете мне. Вам говорит что-нибудь фамилия Пурит? – снова верещание. – А Лиго? – опять пауза. – Ну, это не наше дело... Да... Мария Васильевна, вы мне очень помогли. Что бы я без вас делал? Я позвоню. Так, граждане, с этим делом разобрались. А памятник-то где?

– В мастерской, – ответил Руслан.

– А на кой?

– Надпись продублировать на другой стороне.

– Вот это правильно. Чтобы соблазна не было у всяких мутных личностей, – глядя на крышку стола, сказал Шеметов. – А кому отдал-то?

– Валентину... как его фамилия, забыл.

– Что-то я такого не знаю. Как выглядит?

– Маленький, толстенький... пузатый.

– Валюшонок! – опять влезла Таня.

– А, Валюшонок. Он же половину букв перевернет. Помнишь, Тань, как он выбил «Ленин» вместо Левина?

Таня подскочила:

– Ой, правда! Как же, надо же проверить!

– Ща, – снова к трубке. – Григорий? А где Валюшонок? Ну и сходи, – пауза. – Здоров, мастер. Тебе черный памятник привозили? А что написал? А буквы не пропустишь? А? Ну, молоток! Я бы не догадался. Всё, бывай. – Тане. – Он взял кусок обоев, положил на памятник и обвел надпись. Затем перенес на другую сторону. Ладно, граждане, разобрались. Прошу прощения за причиненные неудобства. Какие у вас планы? Собираетесь здесь задержаться или сразу уедете?

– Вообще-то мы собирались остановиться в гостинице, если места есть, и задержаться недели на две. Пока памятник сделают и вообще... отдохнуть.

– Сразу говорю: мест нет, если заранее не заказали. Поищите частный сектор, хотя и это проблематично. Все-таки июль.

– Я их в Катином доме поселю, – сказала Таня.

– Он вообще-то опечатанным должен быть.

– Ты на дверь печать повесишь, а в окно пацаны будут лазить. Мне племянник поручил за домом глядеть. И вообще, ему деньги нужны. Он же не работает по вашей милости. Квартиранты и за домом приглядят, и денежку ему дадут.

– Ладно, я не против. Все свободны. Маргарита, притормозите. Телефон свой дайте. Я сюда свой вобью. А то мало ли... что-то мне кажется, у вас на нашей территории возможны неприятности. Подстрахуемся. Беляков, задержись.

У окна дежурного Руслан покрутил головой и сказал:

– Первый раз такое вижу. Прямо Шемякин суд.

Дежурный хихикнул и тут же сделал суровое лицо. Уже в машине Таня сказала:

– А что ты хотел, дружок. Это же деревня. У нас своих не обижают. А свои-то все. Вот дежурный. Он брата моего троюродного сын. Хоть и не близкая родня, а всё не чужой. Или Шеметов. Он приезжий, да жена его местная. А теща его, Маша, Валерина одноклассница.

– Не одноклассница. В параллельном классе училась.

– И все равно. На танцы вместе ходили. После танцев обжимались.

– Тань, ну что ты придумываешь!

Валера покраснел. Таня захохотала:

– Знаю я вас, кобелей!

Подъехали к дому. Джип стоял во дворе. Пересели на него и доехали до Катиного дома. Он был тут же, на Чирка, рядом с домом Шпильман.

Показав, где что лежит, и пригласив на обед, Таня ушла. Руслан ходил по дому довольный: как же, попали прямо на место преступления. Сразу стал обыскивать дом. Грета поняла, что остановить его невозможно и сказала:

– Я займу террасу, которая во двор выходит. А ты уж постарайся поаккуратнее. А если фотографии найдешь, скажи мне, где лежат. Я потом посмотрю.

– А тебе зачем?

– Хочу знать, как бабка Катя выглядела, когда молодая была.

После позднего обеда у Кожевниковых решили сходить искупаться. Грета сказала:

– Завтра пойдем на пляж, надо все-таки с аборигенами общаться. А сегодня просто сил нет. Здесь на речке окунемся, прямо напротив дома.

– Так на машине, – начал Руслан.

– Выпивал за обедом? Ходи пешком!

– Да что там, «выпивал». Рюмочку.

– Ты слышал, как тут полиция работает? Если своих не обижает, так чужих надо вдвойне штрафовать.

Спустились к воде. Прямо напротив дома под ивой были сооружены мостки. Но на них какая-то женщина полоскала белье. Такой картины Грета не видела уже много лет: везде же водопровод. Но делать нечего. Отступив метров на двадцать выше по течению, она постелила половичок, прихваченный из Катиного дома, и улеглась загорать. Кирилл тоже лег. Руслан нацепил маску и пошел к воде.

Купаться здесь было неудобно. Только вокруг мостков берег полого спускался к воде. Чуть выше по течению река делала изгиб, и берег подмывало. Он обрывался, образуя «ступень» метра в два. А под обрывом вдоль берега тянулась узкая, метра в полтора, песчаная полоска. Руслан спустился по тропинке и нырнул. Грета знала, что на этом месте никто не купался, и немного опасалась, не зацепится ли парень за какую-нибудь корягу. Но услышала шум гребков и успокоилась. И сразу задремала. Но тут же вскинулась от капавшей на нее воды. Хотела заорать «идиот», но увидела испуганное лицо Руслана.

– Что?

– Там... труп...

– Ты серьезно?

– Утопленник. В мешке.

– Если в мешке, то как ты понял, что утопленник?

– Сапоги.

– Руслан, это точно?

– Точнее не бывает. Обвязан веревкой и привязан к грузу.

– Ну что, звоню в полицию?

– А куда деваться?

Кирилл встал и пошел к воде.

– Кирилл, не дури. Ты должен быть сухим.

– Это еще почему?

– Вдвоем утопить человека легче, чем в одиночку... Иван Иванович, вы мне уже понадобились... Хуже некуда. Мы труп нашли... Не знаю... Нет, я его не видела. Руслан в реку нырнул и утопленника обнаружил... Да нет, криминальный. Говорит, в мешке, веревкой обвязан... Какие шутки! С нами тут уже пошутили. Рядом с мостками, что напротив дома... Да, под ивой. Метров двадцать выше по течению... Есть. Тут женщина белье полощет. Если вы сразу приедете, то и ее застанете. Лучше бы ей не говорить, а то она с телефоном... Сама знаю, что умница. Жду.

Через пять минут подъехала полиция. Шеметов подошел к ним:

– А вы что же, не купались? Ты Руслан, да? Ну, показывай, Руслан.

Кирилл двинулся за ними, но его вернули. Шеметов пошел к женщине на мостках, а остальные стали по тропинке спускаться с обрыва. Один из милиционеров разделся, взял у Руслана маску и нырнул. Вынырнул, спросил что-то у Руслана, еще раз нырнул. Вышел на берег. Посовещались. Еще один разделся. Нырнули втроем. Несколько раз всплывали по очереди. За это время часть берега обнесли лентой. От дороги шел мужик с ключами. Снял замок с цепи, держащей одну из лодок у мостков. Двое сели на лодку и подвели ее к месту, где барахтались ныряльщики. Потом что-то гулко плеснуло, и у ее борта появился большой темный тук. Его отбуксировали к берегу. Руслана развернули и подтолкнули к тропинке. Не дойдя до нее, он согнулся, и его стало рвать. Потом он поднялся к сидящим на траве и рухнул на подстилку. Грета и Кирилл сочувственно молчали. Подошел Шеметов. Грета набросила на Руслана полотенце и сказала:

– Иван Иванович, можно, мы домой пойдем? Если надо что-то написать, в помещении это удобнее будет сделать.

– Конечно, Риточка. Только дождитесь следователя, никуда не уходите пока.

За время, пока вытаскивали утопленника, берег заполнили люди. Они теснились у ограживающей ленты, вытягивали шею, чтобы что-нибудь разглядеть. Пока Руслан одевался, он немного пришел в себя. Когда Шеметов отошел, он шепнул: «Не Катя».

– Точно?

– Мужик. Говорят, несколько месяцев в воде.

Когда Грета со спутниками шли к дороге, все на них глядели, но с разговорами не приставали. Наверху тоже были люди. На тротуаре стояла Таня с несколькими женщинами, среди которых были Таисия и Лена Шпильман. Таня их перехватила:

– Грета, бедненькая. Испугалась?

– Да я и не видела ничего. Его Руслан нашел.

– Его? Это не Катя?

– Нет, мужчина. Говорят, несколько месяцев в воде. Мы пойдем, Татьяна Ивановна? Руслану переодеться надо.

– Да, Греточка, конечно. Только вот... познакомься, это Елена Карловна, подруга детства твоей тети и Таисия Андреевна, тоже подруга.

– Очень приятно. Татьяна Ивановна, не будет наглостью, если я соберу гостей в Катином доме?

– Вы же его сняли, почему нет? А может, у нас?

– Я хочу сама принять гостей. Давайте завтра вечером, как удобнее? Часов в шесть? Пригласите, пожалуйста, тех, кто знал Татьяну Ивановну: вас, Таисию Андреевну, Елену Карловну, Елену Игнатьевну, конечно, кого там еще? Если погода не испортится, я во дворе накрою. Сколько там за столом поместится?

– Если из зала стол вытащить, то до двадцати, – сказал окончательно пришедший в себя Руслан.

– Я попозже зайду к вам, когда менты уедут, – сказала Таня. – Идите, ребята, Руслан замерзнет.

– Я вот думаю, не Славка ли это, – сказала доселе молчавшая Шпильман. – Ты уж извини, Руслан, что я о неприятном напоминаю, но в чем он был одет?

– Там не разобрать. Но на ногах сапоги. Такие раньше носили... в войну.

– Славка, – как-то обреченно выдохнула Елена Карловна. – Бедная Наташа. А голова у него на месте?

– Ищут. А вы откуда знаете? – у Руслана округлились глаза.

– Таня перед отъездом сказала, что Славку найдут без головы. Да не гляди ты на меня так, это не я ему голову оторвала.

– Я ему объясню, Елена Карловна, – сказала Грета и потянула Руслана за руку. – Жду вас завтра в шесть.

Отходя, она шепотом сказала:

– Моя тетка перед смертью приезжала сюда, и ей приснился вещий сон. Она видела этого деда Славку, идущего по дороге без головы. Это факт широко известный, так что не грехи на старушку.

– А тетка твоя не могла его убить?

– Картина Репина «Приплыли». Я же тебе сказала: перед смертью.

– Если дед был неважный, так может, она решила напоследок доброе дело сделать.

– Для доброго дела еще силы нужны.

– А, ты в этом смысле.

Чтобы успокоить нервы, Грета взялась за пылесос. Постепенно неприятные воспоминания о сегодняшних событиях притупились, и она даже стала напевать. Когда она домывала третье окно, то, сидя на подоконнике, пела уже в полный голос, забыв, что в доме не одна:

И в час последнего прощанья
Прости невольный мой обман.
Дадим друг другу обещанье,
Что будет кратким расставанье,
Как этот утренний туман.

– Какие тут таланты открываются! – с издевкой, как показалось, сказал Руслан, заглядывая в дверь. Грета не смутилась. В общем-то, его мнение насчет ее вокальных данных ее не особенно волновало. Поэтому она просто сказала:

– Прости, я забыла, что не одна.

Зато Руслан неожиданно смутился. Он стал неловко оправдываться, что ему действительно понравилось ее пение. На их голоса вышел из кухни Кирилл. И Грета стала рассказывать им легенду об утятинском демоне, а потом и о сне на заводской остановке. Увлечшись, она чуть не перешла на рассказ от первого лица.

– Это же только сон, – сказал Кирилл.

– Но где!

– Что где?

– Ты помнишь, что «заказанного» можно вернуть с перекрестка трех дорог? А что такое перекресток трех дорог? Да просто дорога с ответвлением!

– Нет, – вмешался Руслан. – Это будут две дороги.

– Встань на этот перекресток. Отсюда ты можешь пойти в трех направлениях: в Утятин, в Васильевку и на кладбище. Получается перекресток трех дорог. Или, по правилам дорожного движения, трехсторонний перекресток. Здесь и стояла моя тетя, когда мимо нее прошли эти обреченные. Одну из них она остановила. И, может быть, до конца жизни мучилась, что не остановила остальных. Хотя бы детей.

– И сколько человек можно двумя руками удержать? – снова вступил в разговор Кирилл. – Нет, если рассматривать это дело с рациональной точки зрения, то ее действия оптимальны. Алкоголик Макар; беспризорные дети и злобная бабка, ведущие асоциальный образ жизни; дед, который тиранит своих родных. И молодая женщина, ждущая ребенка. Кстати, а ребенок-то выжил?

– Жива девочка, – ответил бесшумно возникший в дверном проеме Шеметов. За спиной его маячил еще один мужик, с папочкой под мышкой. – Танечкой назвали. В честь вашей тетушки, надо полагать.

– Ну, они-то о её сне не слыхивали.

– Тут такое дело... Лида ведь в том котловане не то спала, не то бредила. И в этом бреду ее кто-то позвал «Таня!» и вывел на дорогу. Получается, у них общий сон.

– Ну, вы ваще! – выдохнул Руслан. – Общий сон, общий бред. Это гриппом вместе болеют, а с ума сходят поодиночке.

– А ты, милоч, поживи в Утятине. Вместе с нами бредить начнешь. Так, значит, Лидочку демону заказали. Милая девочка, никому не мешала... кроме свекрови. Ну, ничего, теперь этот демон у нее в доме поселился. Сынок-то ее, почитай, каждый день колотит.

– А как же Лидочка? – вмешалась Грета. – Как она с ребенком в такой обстановке?

– А они ее из областной детской больницы, где новорожденного ребенка дохаживали, забрать забыли. Ну, больнице она, конечно, тоже не нужна, так что ее на «скорой» домой доставили. А там муж пьяный и бабка злая. Она сразу к соседке, к Нинке... та ей тетка. Нинка матери позвонила. Бабки ее и приютили.

– Таисия?

– Ну да, Таисия ей бабка двоюродная.

– А Прасковья Петровна ее не съела?

– А она ей прабабка.

– И что, Лида с мужем больше не общается?

– Пыталась. Он к ним пришел, они его приняли. Но до первой пьянки. Он на нее руку поднял. Тут Таисия и бабка Паша взяли в руки лопаты. Да так его отходили!

– Он что, в милицию заявил?

– Ну да. Пришел пьяный и с разбитой рожей. Рука висит. Весь в соплях.

– И что?

– Что-что. Пятнадцать суток административный арест.

– Бабкам?!

– Каким бабкам? Ему.

– За что?

– За хулиганство.

Помолчали. Потом спутник Шеметова быстренько опросил всех троих, дал расписаться в протоколах и откланялся. Шеметов на прощание сказал:

– Жаль, что не был знаком с вашей тетушкой. Она бы всех злодеев наших во сне разглядела и показатели бы мне улучшила.

С тем и ушел.

Расследование

С утра Грета занялась подготовкой к ужину. Парней, которые не очень, правда, настойчиво предложили свою помощь, она после утренней поездки на рынок отправила на пляж: без нее, мол, им удобнее будет охмурять аборигенок. К обеду, когда, утомившись, она прилегла на диван, машина въехала во двор. Поглядев только на них, она сказала:

– Понятно. Во-первых, что-то разнюхали, во-вторых, в чем-то прокололись.

Кирилл улыбнулся:

– С тобой неинтересно. Которое «во-вторых», это нас оштрафовали. Может, угадаешь, за что?

– Надо думать, за то, что слишком много пассажиров перевозили... пассажирок, скорее.

Тут уже засмеялись оба.

– Немудрено угадать, ты ведь нас за этим послала.

– Ну, положим, не за этим. Надо чтить российские законы. И, конечно, от пассажирок поступила какая-то информация?

– Несколько источников как один утверждают, что в последнее время около Кати крутились какие-то сатанисты. Она не то, что их учением прониклась, но очень уж любила посмеяться.

Описав этих сатанистов, они устали на Грету в ожидании не то похвалы, не то совета.

– Что я могу сказать? Молодцы. Надо все передать детективу.

– Уже, – сказал Руслан.

– Ну, тогда можно обедать. – При этом она подумала, что для связи она на месте старика избрала бы Кирилла. Тот бы не прокололся. С другой стороны, это трепло расскажет что надо и не надо, тогда как из Киры информацию пришлось бы вытягивать.

После обеда парни снова поехали на пляж. А Грета решила посоветоваться с Таней. Прикинула, с какой целью явиться, и остановилась на посуде. Переписав, сколько обнаружила в Катином доме, отправилась к Кожевниковым.

Перед воротами дома Таисии появилась куча песка. В песке возилось двое мальчишек. С ними разговаривала улыбающаяся хозяйка. Перехватив Грету и выяснив, зачем она идет к Татьяне, сказала:

– Погоди чуток, сейчас Нинка моя внука заберет, и мы вместе пойдем. У Тани гость.

Грета остановилась. Тут же подошла Нина, с любопытством взглянула на Грету, поздоровалась, отряхнула от песка меньшего из мальчишек и повернулась в сторону моста.

– Пойдем, проводим их, – сказала Таисия. – Таня все равно занята.

– Чем? – спросила Нина.

– Этот змей у нее, Кузнецов Пашка, – и захохотала. – Нин, слышь, о чем я с мальцами толковала. Пашкин-то постарше, а Вася все к нему лезет. Я и стою рядом, чтобы большой малого не побил. И спрашиваю: а есть ли у тебя сестренка или братишка? Нет, говорит. А что ж, говорю, мама не купит? А наш-то, умный: «Да, бабушка, знаешь, как дорого стоит!». А этот: «И вовсе не дорого, моя мама может бесплатно родить, только на фиг они нужны!»

Доведя Нину с мальчиком до поворота в парк, они повернули к дому Кожевниковых. Когда подошли к воротам, из них выскочил небольшого роста полноватый с маленькими глазками мужичок. Пробормотав не то приветствие, не то проклятие, он выдернул мальчишку из песка, втолкнул его в машину, сел за руль и укатил в сторону Кайловой горы.

– Тань, что это было? – входя во двор, спросила Таисия. – Ух, от тебя тоже искры летят! Действительно, лицо Тани покраснело, на лбу вздулись вены.

– Меня сейчас разорвет, – сказала Таня. – Грета, у тебя что-нибудь срочное? Можешь подождать?

– Конечно. Я могу и попозже зайти.

– Не надо. Присаживайтесь. Я сейчас Ирке Наппельбаум позвоню, заодно и вы послушаете, какие тут дела... Ир, привет. Ты в Уремовске? Ну, все равно... Есть время? Тогда слушай. Приходит ко мне этот змей Пашка...

Пашка Кузнецов, троюродный брат Кати, пришел к Тане с претензиями. Он выстроил такую логическую цепочку: поскольку он является ближайшим кровным родственником Кати, он – ее наследник. Катю явно убил Гена, поэтому он наследником быть не может. На этом основании он требует отдать ключи от Катиного дома и деньги, полученные от жильцов, и вообще гнать их прочь.

Сунув телефон в карман, Таня сказала:

– Ира говорит, что Гену убийцей может назвать только суд. А пока он владелец дома. Она сейчас к нему едет. Там он подпишет доверенность на мое имя. А Катя пока даже не считается без вести пропавшей. Никаких наследников у нее быть не может.

Послышался мужской голос: «Хозяева!» Вошел еще один посетитель. Это оказался начальник милиции, переименованной недавно в полицию, которого Таня простецки звала Серегой. Его тоже посвятили в последние события. Грета долго сидела, слушая их разговоры.

Вернувшись домой с коробкой, в которую были сложены тарелки, она увидела, что парни уже здесь. Руслан, помогая ей накрыть столы во дворе, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.